ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЬЮ-ЙОРК, ОКТЯБРЬ – НОЯБРЬ 2012 ГОДА

1

Первый тревожный сигнал пришел от Драгана. В двух словах о нем сказать не получится, придется в трех.

Драган Чурчич — боснийский серб. Мы познакомились с ним осенью 1994 года в Боснии, во время гражданской войны в Югославии. Драгану тогда было лет тридцать пять, но выглядел он старше. Высокий, прекрасно сложенный, с мужественным, по-настоящему красивым лицом под шапкой темных курчавых волос. Еще он хорошо пел. Еще у него боснийские мусульмане убили мать и двоих братьев-мальчишек, поэтому воевал он люто. Однако Господь его берег — я и раньше замечал, что Он любит сорвиголов, перемещающихся по самому краю. Еще Драган спас мне жизнь, поставив на кон свою. Но и я потом вырвал его из лап смерти, хотя и не рисковал жизнью. Такую я тогда совершил прогулку.

Когда война закончилась, мой спаситель оказался не у дел. Семьи у Драгана не осталось, желанием общаться с боевыми товарищами он не горел — он хотел забыть. В Республике Сербской, созданной в восточной части Боснии и Герцеговины, он жить не мог — из-за по-прежнему открытой раны воспоминаний. В самой Сербии места себе не нашел. Поболтавшись год на птичьих правах — не дома и не в гостях, — Драган

решил, что жизнь нужно менять радикально или пошла она к такой-то матери, такая жизнь.

Он разыскал нашего человека в белградском посольстве, тот связался с Конторой, а Эсквайр, он же Бородавочник, имел неосторожность сообщить мне об этом — я как раз в то время был в Москве. Я говорю «имел неосторожность», потому что убедить меня забыть Югославию и всех, кто там жил и живет, у Бородавочника не получилось. Несмотря на формальный и строжайший запрет моего, в сущности, начальника, через месяц я окольными путями, то есть не светясь, помог Драгану приехать в Штаты. Потом, по-прежнему оставаясь в тени, устроил его вчерную, иначе говоря нелегально, охранником в тогда весьма неблагополучный многоквартирный дом, где мы живем. Потом нанял адвоката, и тот, умело действуя на узкой кривой меже на стыке юридических установлений, выправил Драгану — за щедрое вознаграждение — грин-карту, дающую возможность официально жить и работать в Америке.

И вот уже много лет Драган — полноправный и законопослушный гражданин Соединенных Штатов. Теперь уже он сам использует обретенный статус, чтобы перетягивать на эту землю обетованную своих близких друзей. И в нашем человеческом муравейнике, бывшем отеле, где живет пара сотен семейств, круглосуточное дежурство на входе бдительно несут строго одетые мужчины с фамилиями, оканчивающимися в основном на «ич». Их достоинства — неукоснительность и непреклонность — постепенно оценили и жители соседних многоэтажек, так что сербская диаспора в районе 80-х Восточных улиц Манхэттена неуклонно разрастается.

Драган сидит у нас на входе день или ночь, а потом пару дней отдыхает. То есть, правильнее сказать,

занимается другими делами. Он по образованию инженер в какой-то неведомой для меня области типа теплотехники или водоподготовки, но руки у него приспособлены для манипуляций с любыми техническими устройствами. И он, по просьбе жильцов, в свободное время ходит по квартирам нашего дома, чтобы где-то починить проводку, где-то собрать шкаф, а то и переложить плитку в ванной.

Что для меня очень удобно — Драган много лет является моим связником. Это лишь поначалу Бородавочник неистовствовал из-за нарушения самых элементарных правил конспирации. Потом он поутих, а в один из моих приездов в Москву как-то даже пробурчал: «Кому придет в голову, что нелегал и связник в открытую видятся чуть ли не каждый день?» В последние годы, правда, большинство рисков и забот по связи были доверены интернету, но Драган все равно продолжает считаться доверенным лицом Конторы. Может, он еще какие-то поручения для нее выполняет, я не интересовался.

Так вот Драган. Дело было во второй половине октября. Он остановил меня, когда я заскочил домой пообедать. Он в тот день не дежурил — стоял внизу, болтал со своим земляком, поигрывая, как тамбурмажор жезлом, длиннющим водопроводным ключом. Обниматься мы не стали — и видимся часто, и о том, что все мои братья-сербы в Штаты приехали в конечном счете благодаря мне, знает только Драган.

— Я вас жду, — деловито выпрямился он. — Что там у вас потекло?

У нас с кранами все было в порядке, но раз он говорит, что потекло, значит, потекло. И вправду потекло.

Джессика была в своем издательстве, Бобби — в колледже. Мы зашли в ванную, и Драган включил

воду, чтобы разговор невозможно было подслушать. Мы присели на край ванны — так мы получились почти одного роста, стоя-то он на голову меня выше.

— Ну, привет! — перешел на русский Драган и насупил брови. Они у моего друга густые, черные, почти сросшиеся на переносице. У него бывает устрашающий вид, только для этого он и смотреть должен соответствующе. Сейчас же его взгляд казался просто встревоженным.

— Привет, дружище! — отозвался я.

Внизу мы поздоровались по-английски как охранник с жильцом — доброжелательно, что в Штатах в порядке вещей, но, в сущности, формально. Теперь мы приветствовали друг друга уже как боевые товарищи, объединенные пережитыми некогда смертельными опасностями и нынешней тайной работой на Контору. К тому же в жилах Драгана текла часть моей крови, но это отдельная долгая история.

— Может, ерунда, но вроде нет. Думай сам, — начал Драган. У него отличный русский — он Воронежский политех оканчивал.

— Выкладывай.

— Позавчера днем я дежурил. Заходит мужик. Белый, средних лет. С виду — из тех, кто пытается флаеры или каталоги раскидать по почтовым ящикам. Я таких, сам знаешь…

Я с одобрением кивнул. Драган — первый мужчина, взявшийся навести порядок в доме, где одну нашу соседку в лабиринте коридоров изнасиловали средь бела дня, — сам выработал драконовские правила, которые свободолюбивые американские жильцы с энтузиазмом приветствовали.

— Я его, как полагается, спрашиваю, к кому он направляется. Мужик говорит, что он — курьер из интернет-

магазина, доставляет заказанные DVD. «В какую квартиру?» — спрашиваю. Он чуть замешкался и говорит: «В сорок пятую». Отлично: в сорок пятую, так в сорок пятую. Звоню туда. Дома никого. Тот говорит: «Наверно я ошибся». Лезет в сумку, даже показывает мне край упаковки — мол, вон диски, говорю ж тебе, я по делу. «А, точно, мне в сорок шестую квартиру». Мне вся эта история уже не нравится, но я виду не показываю. Звоню в сорок шестую. Там пожилая пара живет из Оклахомы, сын им квартиру снимает. Как их там?

Драган поискал у меня поддержки, не нашел — я со всеми в нашей Вавилонской башне только раскланиваюсь, знакомств не завожу — и продолжал:

— Короче, старики дома, но никаких дисков не выписывали. «Они что-то путают, — тот мужик говорит, напористо так. — Я поднимусь, выясню». Я говорю: «Нет. Вы можете войти в здание, только если вас там кто-то хочет видеть». Он подергался, повозмущался, но потом сдался. «А может, — говорит, — я и дом перепутал? Смотри-ка, точно! Мне же в соседний дом».

Драган выпрямился с недовольной гримасой и потягиванием, и я с радостью последовал его примеру. Край ванны кажется круглым, но сидеть на нем, как на жердочке, жестковато.

— Квартирный вор. Или наводчик, — высказал предположение я, отгоняя демонов.

— Подожди, брат. Как только он скрылся, я вышел на улицу посмотреть. Он не в соседний дом направился, сразу уехал. И курьер этот ездит не на мопеде, а на большом черном «меркьюри» с водителем.

— Что не исключает вариант воров, — проявил упорство я. Но сигнальная лампочка внутри меня уже замигала.

— Подожди, слушай дальше, — продолжал неуступчивый серб. — Вчера я отоспался и пришел перестелить ковролин в пятьдесят третьей квартире. Стою на вахте, болтаю с Иосифом, он как раз дежурил. Ну, знаешь: одно ухо нормальное, а другое — как радар? — Я кивнул, хотя и не знал. — Заходят двое. Один — белый, второй — мексиканец, в синих комбинезонах и с заполненным нарядом. Говорят, они — работники телефонной компании, пришли проверить линию на двенадцатом этаже.

— Ага! — отреагировал я. На двенадцатом мы живем.

— Если бы не было того мужика с дисками, я, может, и не стал бы вмешиваться. А тут взял их наряд, посмотрел — вроде все в норме, Иосиф-то их точно бы впустил. Говорю: «Хорошо, только я с вами пойду». Они тоже стали возмущаться: кто тут, мол, такой вмешивается? Иосиф им объяснил, что я — главный и что, если их это не устраивает, мы вызовем полицию. В итоге мы с телефонистами поднялись на твой этаж, они открыли щиток, но, по-моему, и делать-то ничего не стали. Для виду подключили свой тестер, что-то там замерили и говорят: «Все в порядке, спасибо». Но очень были недовольны, очень. Хотя с чего бы им быть недовольными, если все в порядке?

Действительно, с чего бы? Нет, это и вправду было похоже скорее на наши игры.

— Я всех своих предупредил, — успокаивающе произнес Драган. — Ну, что в районе, возможно, действует шайка квартирных воров. В полицию без моего разрешения с подозрениями не обращаться, но бдительность утроить. Черный ход закрыл кроме ключа еще и на засов, снаружи его уже не открыть. Так что

в здание посторонние не попадут. Но боюсь, все это не просто так.

М-да. Зачем кому-то мог понадобиться наш городской телефон? Мы им почти и не пользуемся — у всех сотовые. Кстати, от него вполне уже можно было бы и отказаться, только зря платим за обслуживание каждый месяц. Мобильники прослушивать никакого труда не составляет. А к нашей домашней линии можно подсоединиться и на телефонной станции. Только вот что: даже если мною занялись спецслужбы, для этого нужно постановление судьи. А на его получение требуются основания, ну и, возможно, всю эту операцию — если речь идет о наблюдении за мной — светить не хотят. Попробовали сначала решить вопрос малой кровью: что-то перекоммутировать в щитке на этаже или какой-нибудь чип поставить. Зачем это делать, если мы городским телефоном практически не пользуемся? А затем, что благодаря ему можно всю квартиру прослушивать. Сейчас же в технике чуть ли не каждый день — революция. Вполне допустимо, что теперь отдельные жучки уже и не надо ставить.

— Что скажешь? — спросил Драган, снова с недовольной гримасой присаживаясь на край ванны.

Что я мог сказать?

— Спасибо, брат.

2

Прошла пара-тройка дней. Мы с Джессикой съездили на уик-энд в Массачусетс к Пэгги, ее матери и моей второй любимой женщине. Точно, это было в понедельник. Где-то около часа я с большим пакетом из китайского ресторанчика на Лексингтон-авеню поднялся к нам с Элис в офис.

Моя бывшая помощница — и уже довольно давно младший партнер — все еще восхитительна. Хотя сколько ей? — уже хорошо за сорок. Но! Кожа цвета молочного шоколада по-прежнему свежа и упруга, не растрескивается морщинками у рта и не обвисает предательскими складками на шее. Здоровый образ жизни, занятия спортом и уход за лицом — все, за чем я сам не слежу. Глаза смотрят на мир иронично, губы растянуты в полуулыбке, и с них в любой момент может слететь какая-нибудь тонкая, но скорее необидная колкость. Тело тоже остается стройным и гибким, хотя Элис, нагоняя упущенное время, родила одну за другой двух очаровательных курчавых девчушек. Да-да, Элис вышла замуж. Это снизило электрическое напряжение, возникшее между нами с момента ее появления в моей жизни, хотя и не устранило его полностью. С мужем Элис Шандором, сыном эмигрантов из Венгрии, бежавших на Запад в 1956 году, мы тесно не сошлись. Но речь не о нем.

Я поцеловал Элис в щеку — она воспроизвела тот же звук в пустоту — и выложил на стол с кофемашиной свертки из большого пакета. Мы с ней часто перекусываем там за желто-серой китайской ширмой с черными стволами бамбука. Я сам ее купил — люблю этот символ уступчивой стойкости. Наше туристическое агентство Departures Unlimited, хотя и с миллионным оборотом, помещается все в той же большой комнате, разделенной на три части перегородками, в здании на углу 83-й улицы и Лексингтон-авеню. Я и в принципе не стремлюсь менять обустроенную однажды жизнь, а в офис агентства почти никто не заходит. Наша клиентура — очень, очень обеспеченные люди, понятия не имеющие, сколько стоит хлеб (хотя я тоже не знаю), и перемещающиеся лишь между своими кабинетами в пол-этажа и пентхаусами, из которых видна статуя Свободы или взлетающие вдали самолеты в одном из трех нью-йоркских аэропортов. Не говоря уже о виллах, ранчо и поместьях по всему Атлантическому (и не только) побережью. Все прочее, чего в этих местах нет, им приносят. В том числе предложения относительно возможных эксклюзивных индивидуальных туров.

Элис, порывшись, вытащила из пакетиков заказанную ею утку по-пекински и пророщенную сою в остром соусе. Она сама вызывалась выйти купить нам еды, но мне-то по пути. Я уселся напротив, с хрустом разломил вырезанные из одного куска дерева палочки и завис с ними над плошкой с ломтиками копченого осьминога.

— Ну, что плохого? — задал я традиционный вопрос.

Вопросу этому уже двадцать лет, и Элис он давно не забавляет.

— Знаешь, была одна странность, — вдруг серьезно ответила она. — Даже две.

Две странности за один пропущенный мною рабочий день — это многовато. Тем более после того, что рассказал мне Драган. У него, кстати, ведь тоже их было две — странности.

— К нам зашел снежный человек? — шутливо предположил я, хотя в голове мелькнуло: то, что я сейчас услышу, вряд ли меня повеселит.

— Нет, сначала был киллер. Ну, человек, который травит насекомых. — Ассоциативно Элис присмотрелась к вызвавшему ее подозрения короткому и кривому ростку сои, убедилась, что это не гусеница или ножка какой-нибудь гигантской цикады, и отправила его в рот. — Он решил, что пришел к ветеринарам, и я не стала сразу его разочаровывать.

Ветеринарная клиника, уже существовавшая, когда мы с Джессикой сняли это помещение, располагается под нами, на этаже, который с одинаковым успехом можно назвать первым, цокольным или полуподвальным. У клиники свой вход, а к нам на второй этаж с тротуара ведет индивидуальная, старомодно-английская чугунная лестница. Люди иногда путают — забредают к нам со своими кошками в переносных конурках и упирающимися левретками на поводке.

— Ты слушаешь? Киллер с порога сказал, что его средство абсолютно безвредно для людей и домашних животных, тем более для растений, — продолжала Элис. — В общем, я решила, что он перепутал нас с клиникой. А он так спешил, так тараторил. Пожилой дядечка, интеллигентный, совсем не похож на человека, который занимается этим всю свою жизнь по призванию. — Элис на миг потупила взгляд и тут же снова

вся засветилась. — Мне почему-то захотелось его немножко помучить.

И расхохоталась.

— Ты попросила его продемонстрировать это средство на себе? Например, прыснуть им себе в рот?

— Нет. Но я очень строго сказала, что у нас же здесь не только кошки и собаки. Нам приносят и богомолов, и мангровых мадагаскарских тараканов.

— А такие существуют? — ахнул я.

— Возможно. Я импровизировала.

Мы рассмеялись, глядя друг на друга. У Элис из глаз не просто льется ровный свет — это-то всегда, — но еще время от времени проскакивают озорные искорки. Она постоянно кого-то подкалывает; последние лет десять, с тех пор как мы партнеры, чаще всего меня.

— Ну хорошо, ошибся человек, — по-прежнему цеплялся я за какой-либо безобидный вариант. — Что же тут странного?

— Странно то, что, когда я закрывала офис, снизу выходила Джейн.

— Джейн?

— Медсестра из клиники. Ну та, в розовой куртке, розовых колготках, розовых кроссовках и телефон у нее в чехле в виде мохнатого розового зайчика.

— А-а.

Хотя про телефон я не знал.

— Так вот, я спросила, нашел ли их, наконец, тараканий киллер. — Элис вдруг снова подняла на меня глаза: серьезный взгляд. — Ты ничего не натворил?

Я понял:

— Он к ним не заходил.

— Нет.

Хм. После рассказа Драгана это меня уже не удивило. Плохо, что теперь Элис подозревает неладное. А она на пустой крючок не клюнет, для нее нужно будет что-либо правдоподобное изобрести.

— Пако?

— Я думаю. Ну а вторая странность?

Элис доела свою еду, оправдывая данное ей мною прозвище — Акула. Потом присмотрелась к моим плошкам и выхватила оттуда палочками кусочек острого баклажана. Мы с ней с течением времени стали совсем на короткой ноге. Я пододвинул овощи к ней поближе.

— Спасибо. А в субботу я сюда заскочила утром.

Я даже сделал вид, что откладываю палочки:

— Ты сейчас потребуешь прибавки к жалованью?

Мы по выходным не работаем. Мы и в будни-то могли бы заниматься делами каждый у себя дома, только в Америке без стационарного телефона и адреса на бланке бизнес вести невозможно. Да и ни Элис, ни я не хотим проводить дни напролет в пижаме и домашних тапочках. Но она даже не улыбнулась.

— Нет, я просто забыла здесь раскраски. Я купила девочкам раскраски — не дурацкие, когда ты водишь пальцем по айпаду, а настоящие, как в моем детстве. Так вот, я уже сказала им, что купила, а сама, пустая башка, оставила раскраски здесь. И мы заехали с Шандором.

— Я же просил тебя никогда не говорить со мной о неприятном.

Теперь Элис перестала есть и бросила на меня притворно возмущенный взгляд.

— Ты выбрала себе идеального мужчину, — поспешно поправился я.

Элис покачала головой. Да нет, я к Шандору нормально отношусь. Мы с ним перешучиваемся, когда он время от времени заезжает за своей женой. Он, возможно, действительно неплохой парень, только зря он выбрал женщину, которую — хотя я этим так и не воспользовался — я привык считать своей.

— Пако, я говорю тебе о вещах, которые вызывают у меня беспокойство.

— Ну-ну, я слушаю.

— Это было в самом начале десятого. В субботу! А на нашей площадке стоял парень и дергал дверь.

— И что? Увидев тебя, он спрыгнул вниз со второго этажа и убежал?

— Нет, хотя этот бы мог. Молодой, лет двадцати трех — двадцати пяти. Спортивного вида, в кроссовках и бейсболке New York Mets. Я спросила, что он здесь делает. А он сказал, что хочет купить тур в Доминикану. Как тебе?

Наше агентство не работает с людьми с улицы: его клиентами становятся только одним путем. Магнаты и плейбои — те, кто *зарабатывают* большие деньги, и те, чье исключительное призвание — большие деньги *тратить*, — передают нас с рук на руки своим друзьям, таким же магнатам и плейбоям. Заказов нам хватает.

— Надо было спросить, откуда он узнал о нашем агентстве, — пожал плечами я. — Он вряд ли шел себе по улице, задрал голову на уровень второго этажа, поднес к глазам лорнет и прочитал нашу малюсенькую табличку.

Элис приосанилась. Она часто считает, что я ее недооцениваю.

— Это первое, о чем я спросила, — строгим тоном продолжила она. — Парень замялся на секунду, а потом сказал, что прочел о нас объявление в газете.

Мы снова оторвались от своих плошек. Никогда, с момента создания Departures Unlimited, мы не давали о себе никакой рекламы.

— Ты уверен, что ничего не натворил? — тоном учительницы повторила Элис.

— А ты? Мы же оба здесь работаем.

— Моя жизнь как на ладони. Мне нечего скрывать.

— А мне, ты считаешь, есть?

Элис промолчала, соглашаясь с обоснованностью аргумента. Мы снова принялись ковырять в плошке с недоеденными баклажанами, только вкуса их я уже не чувствовал.

— Чернику ты доверяешь на сто процентов? — спросила Элис.

Пол Черник — это мой давний партнер и, можно сказать, друг. Сначала он просто страховал наших клиентов. Особенно когда к ценителям прекрасного и любителям истории добавились экстремалы, постоянно стремящиеся увеличить дозу адреналина и потенциальные расходы страховых компаний. Но вот уже много-много лет как он ведет и всю нашу бухгалтерию. Большинство преступлений, которые совершают в том числе внешне добропорядочные граждане Штатов, — налоговые, так что со стороны Элис подобный вопрос был вполне обоснован. Причем очень часто налогоплательщики и не подозревают, что нарушают закон, — за них это делают их бухгалтеры.

— Нет, — я с ходу отверг бредовую идею. — Ты что? Пол?

— Тогда что?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru